

Научная статья
УДК 94(37).08+1(091)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

НИКАГОР, АФИНСКИЙ ФИЛОСОФ ЭПОХИ КОНСТАНТИНА И ЕГО ИМПЕРСКАЯ КАРЬЕРА

**Богдан Станиславович
Арисланов¹**

**Алексей Андреевич
Жуков²**

^{1,2} Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет
Белгород, Россия

¹ 1252637@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-9021-4396>

² 1774214@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-9923-0051>

Аннотация. В статье на основе анализа письменных источников дается исторический очерк интеллектуальной жизни Афин эпохи правления императора Константина Великого на примере судьбы философа Никагора, представителя наследственного рода риторов и афинского жреца. Афинский интеллектуал был вовлечен в императорское поручение по сбору древностей для украшения новой столицы – Константинополя, в связи с чем совершил поездку в Египет. Выбор философа для этой миссии означал оформление афинских интеллектуалов в особую влиятельную микрогруппу имперского значения, что предполагало их выход на новый уровень из городской знати Афин. Это был новый, специфически афинский, феномен формирования влиятельного слоя в позднеантичном городе, выросшего из старой знати, но ставшего автономным по отношению к нему. Влиятельность интеллектуалов проистекала не только из их знаний и нематериального авторитета, но и из их доходов, которые были выше, чем у землевладельцев или торгово-ремесленных кругов. Такое особое положение интеллектуалов Афин начало формироваться еще во II в., когда императоры Антонины учредили не только кафедры высших школ, но и регулярные государственные поставки хлеба в Афины, что было исключительным феноменом в то время.

Такая локальная катастрофа, как разрушительное герульское нашествие во второй половине III столетия, не нарушила жизнь интеллектуалов и высших школ, а к началу IV столетия прежняя жизнь восстановилась. Об этом в первую очередь, по мнению авторов, свидетельствует история семьи Никагора Младшего на протяжении пяти поколений и двух столетий – от Мусея (Мнасея) до Гимерия. В заключение авторы отмечают, что в будущем роль афинских школ и схолахов возрастет. Афины еще 200 лет будут играть совершенно особую роль в империи. Правда, состав интеллектуалов города в дальнейшем изменится.

Ключевые слова: Афины, город, философы, совет, народ, полис, император, карьера.

Благодарности: Авторы приносят благодарность д.и.н., проф. Н. Н. Болгову и д.и.н. И. В. Денисовой за консультации и помощь в работе с литературой.

Для цитирования: Арисланов Б. С., Жуков А. А. Никагор, афинский философ эпохи Константина и его имперская карьера // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 51–60. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

Сведения об авторах: Б. С. Арисланов – аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85;

А. А. Жуков – аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Scientific Article
UDC 94(37).08+1(091)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

NICAGORAS, AN ATHENIAN PHILOSOPHER OF CONSTANTINE THE GREAT ERA AND HIS CAREER IN THE EMPIRE

Bogdan S. Arislanov¹

Alexey A. Zhukov²

^{1,2} Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

¹ 1252637@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-9021-4396>

² 1774214@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-9923-0051>

Abstract. The article provides a historical overview of the intellectual life of Athens under Emperor Constantine the Great's rule based on written sources analysis, using the example of the philosopher-Nicagoras – a representative of a hereditary family of rhetoricians and an Athenian priest. By order of the Emperor, he was to make a trip to Egypt to collect antiquities for the decoration of Constantinople, the new capital. The selection of a philosopher for this mission signified the formation of a special influential micro-group of Athenian intellectuals of imperial significance, marking their transition to a new level beyond the city's aristocracy. This was an unprecedented Athenian phenomenon: the formation of an influential stratum in the late antique city, which emerged from the old aristocracy but became autonomous in relation to it. The influence of intellectuals stemmed not only from their knowledge and intangible authority, but also from their income, which was higher than that of landowners or members of the commercial and artisan classes. This special status of Athenian intellectuals began to take shape as early as the 2nd century, when the Antonines established not only chairs in higher schools, but also regular state grain supplies to Athens – an exceptional phenomenon at the time. Even a local catastrophe such as the devastating Herulian invasion in the second half of the 3rd century did not disrupt the life of intellectuals and higher schools. By the beginning of the 4th century, normal life had been restored. According to the authors, this is primarily evidenced by the history of Nicagoras the Younger's family over five generations and two centuries – from Museus (Mnaseas) to Himerius. In conclusion, the authors note that the role of Athenian schools and scholars will further increase in the future. Athens will continue to play a uniquely significant role in the empire for another 200 years. However, the composition of the city's intellectuals will change over time.

Keywords: Athens, city, philosophers, council, people, polis, emperor, career.

Acknowledgments. The authors wish to thank Professor N. N. Bolgov, Doctor of Sciences in Historical Sciences, and I. V. Denisova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, for their consultations and assistance with the literature.

For citation: Arislanov, BS & Zhukov, AA 2026, 'Nicagoras, an Athenian Philosopher of Constantine the Great Era and His Career in the Empire', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 51–60, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60> (in Russ.)

Information about the Authors: *Bogdan S. Arislanov* – PhD student of the Chair of General History, National Research University "BelSU", 85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia;

Alexey A. Zhukov – PhD student of the Chair of General History, National Research University "BelSU", 85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia.

© Arislanov B. S., Zhukov A. A., 2026

Введение

Афины, постепенно формируя свою образовательную среду, со времен Греческого Возрождения I–II вв. получили особый авторитет в империи – не только как интеллектуальный центр, но и как сердце античного греко-римского мира, откуда пошла вся эта культурно-историческая общность, со времен Геродота осознаваемая отличной от Древнего Востока.

Неформальный авторитет Афин был закреплен при Антонинах, конкретно при великом эллинофиле Адриане, отстроившем Афины, еще двумя аспектами. В Афинах были учреждены кафедры схолархов, и – в экономическом плане – помимо Рима только Афины получили ежегодные, финансируемые самим императором, поставки зерна: в этом отношении благодеяние Адриана для этого провинциального города было уникальным.

Новый этап истории Афин именуется постгерульским [18]. Разрушительное нашествие 260-х гг. многое изменило в городе. Но постепенно к началу IV столетия прежняя жизнь восстановилась.

У нас нет древнего автора, который полностью описал бы афинскую интеллектуальную жизнь в первые десятилетия после нашествия, есть лишь отдельные упоминания учителей, которые были активны в городе в конце III в. Прежде всего Евнапий в «Жизнях софистов» упоминает Павла и Андромаха как известных афинских риторов 260–270-х гг. (Eunap. Vit. Soph. 457). Кроме того, византийский словарь Суда упоминает, что Онасим продолжал преподавать в Афинах в течение постгерульского периода (Suda A 4736, O 327).

Новый подъем, несомненно, был связан с именем софиста Юлиана. В 290-е гг. Юлиан Каппадокийский приехал в Афины [2, с. 21–30] преподавать и стал настолько привлекательным преподавателем, что «у него было множество учеников, которые приходили, так сказать, со всех уголков мира» (Eunap. Vit. Soph. 483). Размер его студенческой корпорации (и гонорары, которые они платили) позволил ему построить дом, где был небольшой мраморный театр, украшенный статуями его учеников.

Преподаватели и местная афинская знать

Постепенно преподавание в Афинах превратилось в весьма доходную сферу, приносящую не только богатство, но и авторитет, который должен был быть как-то адаптирован или усвоен местной городской знатью.

Как отмечает Э. Уоттс, наилучшим показателем того, что потенциал, порождающий богатство от преподавания, оставался относительно незатронутым в результате нападения герулов, было продолжающееся возвышение местных семей с преподавательской квалификацией [24].

В то время, как основные землевладельческие семьи исчезли из эпиграфических и исторических записей в конце III в., семьи, которые имели долгую историю участия в преподавании, оставались на переднем крае политической и общественной жизни в Афинах.

Но это были изменения внутреннего плана, которые характеризовали специфику социальных изменений внутри городской общины. Гораздо большее значение имел все же процесс проникновения в город Афины внешних влиятельных сил, ставших формировать новую знать внешнего происхождения по отношению к городу. Такая новая знать в городах Восточного Средиземноморья станет важнейшим феноменом византинизации [1, с. 196–216] в связи с этатизацией социального строя империи и финальным кризисом полисной организации. Однако этот процесс в ранней Византии в целом будет происходить несколько позже – с середины IV по середину VI в. И в социальном плане новую знать города составят администраторы, бывшие военные, клир.

В Афинах же этот процесс начался раньше и радикально отличался от других городов тем, что состав новой знати включал преподавателей-интеллектуалов [2, с. 47–50]. Между старой и новой группами знати стали складываться сложные отношения, направленные на слияние и адаптацию вплоть до заключения «династических браков» для породнения. Но с начала IV в. эти процессы только разворачивались. Если Юлиан Каппадокийский дает нам здесь пример нового, внешнего элитария, то одним из примеров имперского возвышения местного афинского интеллектуала может служить биография Никагора, сына Минукиана.

Никагор и Афины

Никагор – греческий философ, афинянин, жил в 1-й половине IV в. (PLREI, 627), жрец-факелоносец (дадух), ответственный за проведение Элевсинских мистерий [14, р. 51–57]. Был сыном ритора Минукиана, и, возможно, тестем софиста Генетлия из Петры (ученика Минукиана). Возможно, был тестем выдающегося ритора Гимерия (Or. VII, 48; VIII, 21). Его дед, тоже Никагор, был софистом и преподавателем риторики в Афинах при Филиппе Арабе. Таким образом, Никагор был представителем наследственной знати Афин в нескольких (не менее чем в четырех) поколениях, причем знати интеллектуальной.

Его отец, Минукиан, преподавал в Афинах сразу же после герульского нашествия [16, р. 67–70], жил при императоре Галлиене. Его красноречие хвалил Гимерий. Был автором теории риторики («*Τέχνη ῥητορικὴ*»), «*Λογοῖς διαφοροῖς*» и «*Προὔμνησματα*», к которым Менандр Ритор составил комментарий. Сохранилось его сочинение о силлогизмах «*Περὶ ἐπιχειρημάτων*» (изд. Walz в «*Rhetores Graeci*», IX) (Suid. M 1086). Его учеником был софист Генетлий (Suid. G 132). Богатство и влияние Минукиана показаны в посвящении, которое он дал для проконсула Ахайи в конце 270-х гг. (Inscr. Gr. II/III2 3689, 3690). Минукиан продолжал привлекать студентов и собирать гонорары, в то время как его «коллеги» из землевладельческой знати столкнулись с финансовым крахом. Следовательно, в отличие от многих видных афинских семей III в., Минукиан и его потомки выдержали герульскую бурю, и остались уважаемой семьей в 340-х гг., занимаясь своей исконной профессией.

Дед нашего героя – Никагор Старший – ритор и софист, сын ритора Мусея (Мнесея) из Афин, друг Филострата и Лонгина, упоминается Филостратом (Vit. Soph. 628). Был главой афинской кафедры риторики. Процветал при императоре Филиппе I Арабе (244–249). Произведения Никагора не сохранились. О Никагоре Суда сообщает, что он написал трактаты «Жизни знаменитых», «О Клеопатре в Трое», «Посольскую речь к императору Филиппу» (Suid. N 373). Подобно Никагору Младшему, этот его предок был глашатаем на Элевсинских мистериях (Inscr. Gr. II2 3814).

В отличие от прочих представителей своей семьи – риторов и софистов – Никагор Младший однозначно именуется в источниках философом, близким к неоплатонизму, или даже «самопровозглашенным неоплатоником». При этом собственно афинский неоплатонизм как школа оформляется лишь в конце IV столетия при Плутархе Афинском. Поэтому Никагора можно считать либо изолированным философом без школы, либо лишь симпатизантом или любителем в области неоплатонизма, подобно Ямвлиху Младшему в Афинах этого же времени [10, р. 143–153].

Растущее богатство и сила афинских учителей относительно остальной части населения города привели к ощутимым изменениям в преподавании и обучении в Афинах в начале IV в. Участились студенческие беспорядки и проявления насилия [12, р. 315–342], физические споры между наиболее идейными учениками одного конкретного учителя и другого. Были также драки с участием представителей разных школ, которые отражали ревность, существовавшую между школами, и демонстрировали число учеников, которые были верны тому или иному учителю.

Тем не менее до IV в. кажется, что они были относительно необычны для Афин. Филострат в III в. лишь однажды упоминает студенческое насилие в своем сообщении об афинском образовании, рассматривая его как исключительно скандальный аспект карьеры учителя (Philostr. Vit. Soph. 587–588). По контрасту студенческое насилие является общим и почти непременным ритуальным мотивом в очерках студенческой жизни в Афинах, нарисованных Либанием (Liban. Orat. 1.19–22, 25), Евнапием (Eunap. Vit. Soph. 483) и Гимерием (Him. Orat. 48.37). По контрасту речь Him. Or. 19 адресована студентам, чтобы они не уделяли так много времени дракам, из-за которых пренебрегают своими занятиями.

Растущая турбулентность афинских школ на рубеже IV в. происходила в то время, когда императорское правительство все больше интересовалось деятельностью учителей. Имперские власти стали регистрировать как государственных, так и частных учителей для целей налогообложения в начале IV в.

Еще в 321 г. Константин предоставил налоговые льготы профессорам грамматики, медицины и риторики (CTh., 13.3.1). Этот закон, в котором также указывается, что учителя будут получать муниципальные жалованья, явно предназначался как для тех, кто учил в частном порядке, так и для тех, кто занимал государственные должности. Он был дополнен еще одним законом 333 г., предоставляющим профессорам свободу от всех видов обязательной государственной службы (CTh., 13.3.3). Во II в. такая практика была редким исключением [19, p. 52–63].

В дополнение к этому в начале IV в. были предприняты более серьезные попытки со стороны государства установить контроль над тем, что происходит в афинских школах. Они были осуществлены в основном различными проконсулами Ахайи в ответ на эскалацию насилия со стороны студентов. После одного боя между студентами профессоров Юлиана и Апсина, примерно в 330 г. несколько студентов Апсина обвинили Юлиана в нападении. Когда дело дошло до проконсула Ахайи, губернатор приказал, чтобы виновников взяли под стражу. Он также постановил, что Юлиан должен быть арестован и заключен в тюрьму со своими студентами до суда (Eunap. Vit. Soph. 483). Это ясно говорило о том, что студенческое насилие было неприемлемым для властей, и впервые показало, что учителя будут нести юридическую ответственность за поведение своих учеников.

Тем не менее во время судебного разбирательства проконсул позволил убедить себя освободить Юлиана и его студентов без наказания [9, p. 43–44]. Даже когда драматическое событие вызывало его гнев, проконсул не решался оформить реальное наказание видного учителя.

Такой посыл еще более решительно был отправлен в 339/340 г. другим проконсулом: «В результате беспорядков со стороны учеников он уволил своих учителей, словно нехороших пастухов, и начал рассматривать троих других, чтобы занять их место в качестве профессоров» (Liban. Orat. 1.25). Три уволенных профессора были, вероятно, руководителями кафедр риторики в Афинах [4, p. 318]. Хотя губернатор имел доступ к спискам тех людей, которые утверждали, что они учат, он еще не мог контролировать, продолжали ли частные учителя преподавать. Однако он мог контролировать тех, кто занимал должности, финансируемые за счет городской общины.

На рубеже IV в. возросшее экономическое, политическое и культурное влияние интеллектуалов и профессоров в Афинах привело к развитию неформальной системы, которая регулировала деятельность высших школ города. В ее рамках проконсулы и городские булевты имели элементы контроля над учителями и устанавливали механизмы, с помощью которых учителя получали гарантии, что эти механизмы контроля будут применены надлежащим образом. Таким обра-

зом, прозрачный политический процесс следил за безопасностью и контролировал ведущие должности учителей в городе.

Никагор и Гимерий

Богатство и положение семьи Никагора привели к браку по сговору, в котором воспитанность, богатство и репутация дочери (или внучки) Никагора были объединены с талантом и потенциалом молодого (еще совсем не великого) ритора Гимерия (Him. Orat. 33.21). При этом выгоду получал скорее молодой приезжий из Вифинии Гимерий, породнившийся с видной афинской профессорской семьей, который тогда учился в Афинах [20, p. 206–207]. Мы знаем это из двух речей Гимерия, касающихся его сына Руфина: первая – петиция в Ареопаг о предоставлении Руфину полных гражданских прав свободного человека до того, как он полностью достигнет совершеннолетия, и вторая – монодия на смерть Руфина.

В первой речи, от которой сохранились лишь фрагменты, Гимерий ссылается на генеалогию своего сына не для того, чтобы установить его происхождение, а для того, чтобы набрать политический вес в Афинах. В частности, он упоминает Плутарха, Минукиана и Никагора (неясно, какого именно), указывая, что Минукиан «неоднократно добивался статуса свободного человека благодаря своему красноречию» [17, p. 269]. Образ Руфина преломляется через его предков, приводя ряд аналогичных аргументов в пользу взросления. С другой стороны, софист Минукиан добился гражданских прав для других, поэтому они (афиняне) теперь должны отплатить ему тем же, досрочно предоставив права его потомку.

Во второй монодии, посвященной Руфину, Гимерий сравнивает своего сына как оратора и философа с этими предками, добавляя к их списку мыслителей Мусония и Секста (о котором упоминал Никагор в своей элевсинской надписи) [17, p. 270].

Никагор и императорская миссия

В 326 г. Никагор, философ и преподаватель риторики, чей отец, дед и прадед занимались тем же занятием, был выбран императором Константином, чтобы отправиться с миссией в Египет [14, p. 51–57; 22, S. 361–373; 16, p. 66–70]. Без сомнения, этот выбор был предопределен его местным влиянием в Афинах и происхождением, связанным с наследственным преподаванием, которое распространялось на догерульский период.

Никагор в итоге оказался обремененным поручением лично от императора Константина I Великого, который поставил перед ним задачу определить статуи, которые можно было бы использовать для украшения новой столицы Константинополя. С этой целью он посетил Фивы Египетские в 326 г. [23, p. 227–240], о чём свидетельствует сохранившаяся надпись SIG 4770. В ней Никагор цитирует Платона, что, по мнению специалистов, указывает на то, что он был афинским философом-неоплатоником.

Итак, Никагор, прибыв в Долину царей близ Фив, поднялся ко входу в гробницу Рамсеса VI [5, p. 222]. В длинном коридоре гробницы по толстому слою штукатурки была сделана масса граффити. Узнав, что афинянин – жрец и образованный человек с философскими интересами, проводник показал ему сцену Суда Осириса, благодаря чему эту гробницу иногда называют гробницей Метемпсихоза (Переселения душ). Восхищенный изображениями и их смыслом, Никагор остановился и написал краской на пустом месте следующие слова: «Я, факелоносец (дадух) святейших таинств в Элевсине, сын Минукиана и афинянин, осматривал гробницы много лет спустя после божественного Платона из Афин, и восхищался ими, и возносил признательность богам и благочестивейшему императору Константину, даровавшему мне это» (Baillet, № 1265).

На противоположной стене коридора мы парадоксальным образом находим похожую надпись: «В седьмое консульство Константина Августа и первое Констанция Цезаря. Я, факелоносец Элевсинских мистерий, Никагор, сын Минукиана, афинянин, осмотрел божественные усыпальницы и восхитился ими» (Baillet, № 1889). Это граффити отличается от первого в нескольких существенных отношениях. Оно использует неверное обозначение Элевсинских мистерий [11, р. 64–66] и написано гораздо менее чётко. Но оно написано от первого лица. До сих пор не было дано объяснения этой любопытной ситуации.

Те посетители, для кого было ниже их достоинства написать надпись самостоятельно, поручали сделать это проводнику, причем от первого лица. Граффити от третьего лица могли быть написаны членами свиты важных персон, но не проводниками. Отсюда проистекают банальность и повторяемость большинства граффити, а также солекизмы и неэлегантность граффити Никагора. Недовольный усилиями своего проводника, он дал, а возможно, и сам записал, новую версию, поразительно личную по тону [14, р. 54].

Интерес посетителя, склонного к платонизму, к сцене «метемпсихоза» был вполне естественен. Никагор здесь не был исключением, о чём свидетельствует необычная частота упоминаний Платона в этом месте гробницы.

Некоторые учёные задавались вопросом, с какой целью Никагор, типичный представитель восточного языческого истеблишмента, отпрыск образованной и влиятельной афинской семьи, ведущей свой род от Плутарха Херонейского [13, р. 281], путешествовал по Египту за счёт императора Константина. Принято считать, что его попросили составить доклад о состоянии древней религии в Египте, и что подобные случайные поручения заставляли афинских язычников чувствовать себя востребованными и, следовательно, преданными [8, р. 172–173; 6, р. 211; 18, р. 640–641].

Начиная с завоевания Балкан Лицинием в 317 г., Константин, безусловно, заигрывал с восточными языческими элитами, хотя и с перерывами. Отсюда, например, выделение им ежегодного бесплатного пайка пшеницы Афинам (Jul., Orat. I 8cd), крупному центру языческой интеллектуальной жизни, который давно привык к тому, что другие обеспечивали его материальные потребности. Афины уже избрали Константина полководцем гоплитов, подарив ему статую с выразительной надписью [15, р. 18–31]. Вероятно, в конце 20-х или начале 30-х годов молодой афинянин-язычник по имени Праксагор написал лестный рассказ об истории его восхождения к власти (Phot. Bibl. cod. 62).

В конце 324 г. после окончательной капитуляции Лициния в сентябре и основания Константинополя в ноябре Константин отправился посетить свои недавно обретенные восточные провинции [7, р. 76]. В начале 325 г. шла подготовка к визиту в Египет. Перспектива прямого участия в арианском споре, бушевавшем тогда в Египте, показалась ему настолько негативной, что он решил повернуть назад (Eus. V. Const. II, 72.2). К маю он был в Никее. Константин уже успел повидать Египет в молодости, путешествуя с Диоклетианом в 301/2 г., и сохранил интерес к этой стране.

В 357 г. сын Константина Констанций подарил городу Риму Фиванский (Латеранский) обелиск (Amm. Marc. XVII, 4). Но этот памятник имеет долгую историю. Смысл надписи на нем таков: Константин предназначал обелиск для Константинополя; Констанций же теперь дарует его Старому Риму. Утверждение Аммиана Марцеллина о том, что Константин сразу планировал отправить обелиск в Старый Рим, таким образом опровергается. Константин был известен тем, что разграблял исторические места Востока именно для того, чтобы украсить свою новую столицу.

Проект привозаobelиска, задуманный Константином, следует рассматривать в контексте его тонко сбалансированных отношений с языческими подданными и, в частности, его стремления умиротворить языческий истеблишмент. Агент, которому он поручал переговоры со жрецами или другими властями в Фивах, должен был быть надежным и уважаемым язычником.

Никагор, находившийся в Фивах в 326 г., был именно таким человеком: чиновником знаменитого храма в Афинах и верным подданным императора, которого он без колебаний называл «благочестивейшим». Будучи императорским посланником, он, вероятно, путешествовал не один; и вполне вероятно, что имена некоторых спутников Никагора сохранились в многочисленных других записях, которые до сих пор можно прочесть в гробнице Рамсеса VI.

Помимо переговоров в Фивах и дивидендов, которые он ожидал получить в Риме, благодарность афинской элиты, несомненно, сыграла свою роль в расчётах Константина. Вряд ли можно было бы ожидать, что случайные надписи Никагора будут указывать на причины его миссии, но чувство долга, которое он испытывал по отношению к императору, достаточно очевидно.

Так, эпизод сobeliskом стал главным в имперской карьере Никагора, по крайней мере, в той части, что известна по источникам. Этот пример показывает мощь и влияние исконных афинских интеллектуалов, вышедших на общеимперский уровень.

Заключение

Таким образом, привлечение представителя наследственного рода афинских интеллектуалов к программе культурно-идеологического оформления новой столицы императором Константином выглядит убедительным подтверждением весомой роли Афин и афинских учителей в имперской политике 1-й половины IV в.

В будущем роль афинских школ и схолахов еще более увеличится. Афины еще 200 лет будут играть совершенно особую роль в империи. Правда, состав интеллектуалов города в дальнейшем значительно изменится в пользу внешних, а не коренных афинских. Империя устремится в Афины вместо афинян, стремившихся возвыситься в столице (или отмеченных самим императором).

Список источников и литературы

1. Болгов Н. Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // *Byzantinoturica*. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 199–219.
2. Денисова И. В. Афины IV–VI вв.: провинциальный город и метрополия интеллектуалов // *Большое Средиземноморье в IV–XVI вв. Тенденции, факторы, влияния, конфликты*. СПб.: Алетейя, 2023. С. 47–50. (Новая Византийская б-ка. *Byzantinoturica*).
3. Денисова И. В. Софист Юлиан Каппадокийский и его школа в Афинах // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 21–30.
4. Avotins I. The Holders of the Chairs of Rhetoric at Athens // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1975. Vol. 79. P. 313–324.
5. Baillet J. Inscriptions grecques et latines des Tombeaux des Roisou Syringes a Thebes. Vol. 1. Cairo, 1920. 625 p.
6. Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. 479 p.
7. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. 335 p.
8. Bataille A. Les Memnonia: recherches de papyrologie et d'épigraphie grecques sur la nécropole de la Thèbes d'Égypte aux époques hellénistique et romaine. Le Caire, 1952. 328 p.

9. *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity. Madison, Wisc.: University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.
10. *Cameron A.* Iamblichus at Athens // *Athenaeum*. 1967. No. 45. P. 143–153.
11. *Clinton K.* The sacred officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia, 1974. P. 64–66.
12. *De Forest D.* Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // *Journal of Late Antiquity*. 2011. Vol. 4, no. 2. P. 315–342. URL: <https://muse.jhu.edu/article/461576>
13. *Follet S.* Athènes au IIe et au IIIe siècle: études chronologiques et prosopographiques. Paris: Les Beller Lettres, 1976. 565 p.
14. *Fowden G.* Nicagoras of Athens and the Lateran Obelisk // *The Journal of Hellenic Studies*. 1987. Vol. 107. P. 51–57.
15. *Geagan D. J.* The Athenian constitution after Sulla. Princeton, 1967. P. 18–31.
16. *Heat M.* The Family of Minucianus? // *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphic*. 1996. Vol. 113. P. 66–70.
17. *Kaldellis A.* The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East // *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tubingen: Mohr Siebeck, 2020. P. 259–277.
18. *Lane Fox R.* Pagans and Christians. Harmondsworth, 1986. 799 p.
19. *Nutton V.* Two Notes of Immunities: Digest 27, 1, 6, 10 and 11 // *Journal of Roman Studies*. 1971. Vol. 61. P. 52–63.
20. *Plommer H.* Himerius and Athena // *Classical Review*. 1959. Vol. 9. P. 206–207.
21. Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529 / ed. P. Castren. Helsinki: Vanlmala, 1994. 192 s.
22. *Schissel O.* Die Familie des Minukianos // *Klio*. 1926/7. Vol. 21. S. 361–373.
23. *Simón F. M.* From Thessalos of Tralles to Nicagoras of Athens. Religious pilgrimage to Egypt in the Roman Empire // *Viajeros, peregrinos y aventurerosen el mundoantiguo*. Barcelona, 2010. P. 227–240.
24. *Watts E. J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006. 288 p. (The Transformation of the Classical Heritage, 41).

References

1. Bolgov, NN 2023, ‘Vizantinizatsiya pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomorye: k postanovke problemy’ (Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards Formulation of a Problem), *Byzantinotaurica. Zhurnal vizantiyskikh i sredizemnomorskikh issledovaniy* (Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies), vol. 1, pp. 196–216. (In Russ.)
2. Denisova, IV 2023, ‘IV–VI vv.: provintsialnyy gorod i metropoliya intellektualov’ (Athens in the 4th–6th centuries: a provincial city and a metropolis of intellectuals), *Bolshoye Sredizemnomorye v IV–XVI vv. Tendentsii, faktory, vliyaniya, konflikty* (The Greater Mediterranean in the 4th–16th Centuries: Trends, Factors, Influences, and Conflicts), Aleteyya publ, St. Petersburg, pp. 47–50. (In Russ.)
3. Denisova, IV 2023, ‘Sofist Yulian Kappadokiyskiy i yego shkola v Afinakh’ (Sophist Julian the Cappadocian and his School in Athens), *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* (Via in tempore. History and political science), vol. 50, no. 1, pp. 21–30. (In Russ.)
4. Avotins, I 1975, ‘The Holders of the Chairs of Rhetoric at Athens’, *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 79, pp. 313–324.
5. Baillet, J 1920, *Inscriptions grecques et latines des Tombeaux des Roisou Syringes a Thebes*, vol. 1, Cairo. (In French)
6. Barnes, TD 1981, *Constantine and Eusebius*, Harvard University Press publ, Cambridge, Mass.
7. Barnes, TD 1982, *The New Empire of Diocletian and Constantine*, Harvard University Press publ, Cambridge, Mass.

8. Bataille, A 1952, *Les Memnonia: recherches de papyrologie et d'epigraphie grecques sur la nicropole de la Thebes d'Egypte aux epoqueshellinistique et romaine*, Cairo. (In French)
9. Brown, P 1992, *Power and Persuasion in Late Antiquity*, University of Wisconsin Press publ, Madison, Wisc.
10. Cameron, A 1967, 'Iamblichus at Athens', *Athenaeum*, no. 45, pp. 143–153.
11. Clinton, K 1974, *The sacred officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia.
12. De Forest, D 2011, 'Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens', in *Journal of Late Antiquity*, vol. 4, no. 2, pp. 315–342.
13. Follet, S 1976, *Athènes au IIe et au IIIe siècle: études chronologiques et prosopographiques*, Les Beller Lettres publ, Paris. (In French)
14. Fowden, G 1987, 'Nicagoras of Athens and the Lateran Obelisk', *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 107, pp. 51–57.
15. Geagan, DJ 1967, *The Athenian constitution after Sulla*, Princeton.
16. Heat, M 1996, 'The Family of Minucianus?', *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphic*, vol. 113, pp. 66–70.
17. Kaldellis, A 2020, 'The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East', *Athens II: Athens in Late Antiquity*, Mohr Siebeck publ, Tubingen.
18. Lane Fox, R 1986, *Pagans and Christians*, Harmondsworth.
19. Nutton, V 1971, 'Two Notes of Immunities: Digest 27.1.6.10 and 11', *Journal of Roman Studies*, vol. 61, pp. 52–63.
20. Plommer, H 1959, 'Himerius and Athena', *Classical Review*, vol. 9, pp. 206–207.
21. Castren, P (ed.) 1994, *Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529*, Vanlmala publ, Helsinki.
22. Schissel, O 1926/7, 'Die Familie des Minukianos', *Klio*, vol. 21, pp. 361–373. (In Germ)
23. Simón, FM 2010, 'From Thessalos of Tralles to Nicagoras of Athens. Religious pilgrimage to Egypt in the Roman Empire', *Viajeros, peregrinos y aventurerosen el mundoantiguo*, Barcelona, pp. 227–240.
24. Watts, EJ 2006, 'City and School in Late Antique Athens and Alexandria', *The Transformation of the Classical Heritage*, no. 41, University of California Press publ, Berkeley.

Вклад авторов:

Арисланов Б. С. – написание статьи, научное редактирование текста.

Жуков А. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи

Contribution of the authors:

Bogdan S. Arislanov – writing the section of the article, scientific editing.

Alexey A. Zhukov – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026
Одобрена после рецензирования: 03.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 12.01.2026
Approved after reviewing: 03.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026